

МАКСІМ ЖБАНКОЎ

SloMo

Хатняя крытыка культурнага дызайну

Мінск • Выдавец А. М. Янушкевіч • 2021

УДК 008(476)
ББК 71
Ж40

Фота на задняй вокладцы
Сяргея Гудзіліна

Жбанкоў, М. Р.

Ж40 SloMo : Хатняя крытыка культурнага дызайну / Максім Жбанкоў. — Мінск : А. М. Янушкевіч, 2021. — 204 с.

ISBN 978-985-7210-79-4.

Новая кніга Максіма Жбанкова — суплет пярэстых (стылістычна і моўна) тэкстаў, аб'яднаных агульнай тэмай: айчынная культура мінулага дзесяцігоддзя і яе падставовыя праявы. Аўтар, як заўжды, аджыгае ды інцярэснічае. Шукае кідкія маркеры для персон і сітуацый. Пазначае паходжанне новых герояў і даследуе тэхнікі беларускага поспеху. Тлумачыць адхіленні і паталогіі. Запрашае да спрэчак і нязгоды. Адбудоўвае прастору крытычнага мыслення — для тых, хто хоча большага і робіць нечаканае.

УДК 008(476)
ББК 71

ISBN 978-985-7210-79-4

© Жбанкоў М. Р., 2021
© Афармленне. Выдавец А. М. Янушкевіч, 2021

ЗМЕСТ

Ад аўтара	5
-----------------	---

Intro

РАДИО ТИШИНА	
Как мы молчим о культуре	9

I. Пепел, рифмовка, культурный транзит

КУ-КУ-КУЛЬТ-УРА!	
Схемы (вне)дорожного движения	15
ЛАСТАЎКІ Ў СТРАСЕ	
Танец на костях культурных форм	19
ГИБРИДНАЯ НАЦИЯ	
Драфт проблемного (авто)портрета	27
НЕ ТО И НЕ ТАК	
Художник как техническая ошибка	33
НЕЛЕГАЛ / КОНФИСКАТ / КОНТРАБАНДА	
Транзитные люди и пограничье культур	42

II. Тэхнікі (з)рухаў

GENERATION LIMITED	
«Марцев» и наше новое мифотворчество	53
ОРКЕСТР В БЕГАХ.	
ЕГУ как травма и диагноз	61
ПОСЛЕ ВЫБОРА	
Политический процесс и «креативное меньшинство»	69
ПАРТИЗАНИНГ	
Мягкие тактики белорусского культур-активизма	78
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ШИЗЫ НА ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛЕ	
Как и зачем делался белрок	85
«БАРА-БАРА» ДЛЯ НОВЫХ ЛЮДЕЙ	
Зачем нам нужны низкие жанры	93

III. Анатомія прабелаў

ЮЗИК-ОПЕРА	
«Народны альбом» в Белостоке	105
СЛУШАЙ СВОЮ РЫБУ	
Где искать белорусских умников	112
NO RESERVOIR, NO DOGS	
Чвэрць стагоддзя без «Шалёных сабак»	120
ЛІТАРАЛЬНА	
Больш за словы / менш за словы	124
МИНУС НЕБО	
Убей партизана, распни менеджера	128
ВЫШЫВАНАЧНАСЦЬ	
Камбэк кіраванага нацыяналізму	132
БУМАГА ДЛЯ ЛІЧБАВАЙ НАЦЫІ	136

IV. Разборы & наезды

БАБКОЎ / КЛІНАЎ	
Падвойны партрэт ў зоне бязладу	143
«ЖЫВЕ БЕЛАРУСЬ!»	
Попс, патас, прапаганда	151
РАЗВІТАННЕ МУРЗІЛАК	
Міхалок і недаробленыя рэвалюцыі	159
«СФАГНУМ»: ЧТИВО ТОРМОЗНУТОЙ СТРАНЫ	
Три рычага беларускага успеха	163
КАНЕ ФІЛЬМАЦ	
«Кінараман» наўздагон кіно	171
ВЪЕЗЖАЯ В «ГАРАШ»	175
КОСМАС, ВОЛЬСКІ, КАБАЧКІ	
Андрусь Горват і культурны дызайн	180
НОЧ. САБАКА. ЗОРКА. САМОТА	
Іншыя вымярэнні выязднага белліту	185
I WANNA BE YOUR (EURO)DOG	
Бахарэвіч і прыцемкі Эўропы	190

bonus tracks

РАДЗІМА, БРЫДКАЯ КАХАНКА	197
SloMo	
Долгие метры короткой мысли	201

Ад аўтара

Гэтая кніжка з мінулага жыцця. Якое рэзка скончылася ў жніўні 2020-га. Ранейшыя схемы раптам абнуліліся. Мастацтва культурнага манеўру страціла свой сэнс. Час нанова вучыцца думаць.

Дык навошта новай эпосе старыя тэксты? Каб зразумець, што з намі здарылася ўчора. І як мы сталі сённяшнімі.

Мінск, снежань 2020 г.

РАДИО ТИШИНА

Как мы молчим о культуре

Борьба со словами — наш национальный спорт. За мову все еще можно получить в глаз. Суд за «не ту» публикацию — легко и просто. Блогер гасит рокмэна, рокмэн гасит блогера, народ ликует и просит еще. Качество текста меряют числом кликов и лайков. Сетевые батлы переводят войну идей в партер, на уровень коммунальных разборок. И превращают вербальный плеск в агрессивный уличный гон. Неизвестно, что хуже: восторженный хор или групповой наезд. И то, и другое нынче исполняется бездарно.

В тотальном параде шумовых оркестров критичный автор выглядит дурковатым выскочкой с плохими манерами, трезвый аналитик — циничной сволочью без любви и идеалов. Это особенно заметно в резонансных текстах о культуре. Или в отказе их делать.

Уберите из медиаполя политических экспертов — и это сразу станет ощутимым. Уберите культурную критику — все останется как было.

Культуру у нас не разбирают. В лучшем случае с ней дружат. Либо борются. Поскольку трактуют ее по старинке — как пропагандистский ресурс и инструмент народ-

ного сплочения вокруг очередной идеи. В таком раскладе культурные герои — совсем не герои и никак не супер-старз. Они вторичны и зависимы как вспомогательный персонал глобального шоу, имеющий публичный вес лишь в двух ипостасях — лицедея и агитатора.

Обе роли на событие никак не тянут. Серьезно разбирать там нечего. Глубокомысленно анализировать смешно.

А потому любимые жанры культурного письма — анонс и фотосессия. Беглые селфи на фоне суеты, притворившейся событием. Даже условно продвинутая столничная арт-гуса стабильно существует в порочном кругу нулевых действий с нулевым резонансом: анонс – презентация – фотоотчет – пауза – анонс... Синхронно обнуляются как способность делать важное, так и умение об этом внятно сказать. Статус культурного эксперта необратимо стремится к низшей отметке.

Тому есть несколько причин.

Первая, самая утешительная: так получилось. В новом мозаичном мире интеллектual теряет сакральный ореол, суждения элит больше не директивны, критическое мышление ущербно, объективность дискуссионна. Аналитик попадает в зазор между карточным фокусником и Казимиром Малевичем, привлекая не светом правды, а резвостью пера и борзотой повадок.

Умник стал клоуном. Удел клоуна — рассмешить и забыть. А пока скачи повыше и кричи отважней.

Вторая, травматичная: критику съел контекст. В нормальном раскладе динамичного социума идет расширенное воспроизводство идей, концептов, трендов и форм. Его культура живет в режиме перманентного апгрейда, обновляя собственную стилистику и словарь. И критик ей нужен как оперативный эксперт этого процесса, вдумчивый наблюдатель и коллекционер смыс-

лов. Переводчик с авторского на юзерский. Лоцман духовной работы, размечающий путь в информационном хаосе конкретно взятой культурной зоны.

Такое, однако, возможно лишь при наличии самой зоны — и ее внутренней динамики. Наша географическая отдельность не тождественна культурной. Она лоскутна и инерционна. Мы пока дышим чужими сдвигами, внешними поп-интервенциями, залетными трендами — по колено в Москве, с головой в Амстердаме.

Про Москву все объясняют московские, про Европу — западные. Под их перекрестным огнем локальный критик смотрится туземцем в тени схлестнувшихся колониальных держав. Он вторичен и необязателен.

Третья, интеллигентская: сами виноваты, плохо стались.

Практически нет умных авторских лонгридов. Остро не хватает аттракционных разборов и кинжальной экспертизы. Беларуское письмо о культуре в своих медийных форматах одномерно и застенчиво как журфаковская дебютантка, либо отважно и косноязычно как сетевой тролль. И читателю крайне повезло, если его автор Татьяна Замировская или Ольга Бубич.

Белкульт живет рядом своей потаенной жизнью — но в наших московско-берлинских стеклах его не разглядеть. Как быть с беларуским? Кажется, не ответит никто. Не у кого списать. А думать учили слабо. Оперативной аналитики культуры не видно ни на журфаке, ни в эмигрантском ЕГУ, ни в минском ECLAB. Как и способности к независимому суждению, школы сомнения и практикумов техничного наезда.

Вербальный флуд с закосом под работу мысли ничего не добавляет к пониманию ситуации. Не способен ее расписать и объяснить. И, соответственно, убивает при-

вычку читать разбирательства. Тем более — искать / делать спорное.

Причины ступора нашей культур-аналитики скучны и очевидны: нулевой интеллектуальный маркетинг, монотонность культуры, жизнь в чужом инфо-поле, вялое письмо, размытая оптика.

Радио Тишина бьет в мозг не тогда, когда райтер молчит. А когда он сдается среде, отказываясь быть острым, кайфовым, значимым.

А потом можно удивляться, что двадцать лет наш протест-культ воевал без побед. Бодаться с вышиванками. Тупо молчать о новом Вольском и новом Иноземцеве. Зависать на «Медузе». Растерянно рассуждать, почему не идут на мастер-классы заезжих профи. Хамить несогласным. Не знать, что делать с «Басовищем», Navi и «Славянским базаром». Банить слабо в нас влюбленных.

Пропускать главное — глубинные сдвиги в коллективной душе нации.

Не страшно? Другие так живут и ничего? Во-первых, не все: стоит глянуть хотя бы на польских или украинских соседей. А во-вторых, отсутствие адекватной экспертизы и внятных оценок делает культуру необратимо провинциальной и неспособной к качественному росту.

Потому начинать стоит с себя.

Воспринять текущее состояние белкульта как личный вызов. Включить интеллект. Пообещать себе не врать. И выдать динамитный текст. Словно в последний раз. Словно тебе не интересно, сколько за него дадут. Словно это единственное, что останется после тебя. Словно есть те, кому это еще надо.

Пепел, рифмовка, культурный транзит

КУ-КУ-КУЛЬТ-УРА!

Схемы (вне)дорожного движения

Три банальных лика культуры: музей, школа, индустрия.

Первый хранит мертвые тексты вечно живых и задает планку качества. Это дом героев, каталог вчерашних вершин. Туда стоит зайти, чтобы на контрасте ощутить себя живым.

Вторая шлифует мозги и обучает восхищаться. Здесь форматируют зрение, обрезая кругозор до безопасных размеров. Усвоил канон? Садись, отлично! И веди себя тихо: ты ж культурный!

Третья — фабрика смыслов, образцы на вынос, тираж ментального фастфуда. Гипермаркет «Муму» на углу Достоевского и Хайдеггера. Проверенные поставщики. И если чего-то не завезли — значит вам этого и не надо.

Что не так с этой триадой культпросвета? Сама идея культуры как инъекций света. И трактовка народа как подсевшей на них массовки. Такая культурность порождает трусливый потребительский конформизм и дряблость духа.

В этом раскладе мы не делаем культуру. Мы позволяем ей делать себя, покорно ложась расходным ресурсом в очередную матрицу коллективного маразма.

Главная школа культурных практик — улица, книжки, «Баллантайнс», рок-н-ролл, фалафель, секс, фэйсбук и шенген — выносятся хранителями мертвецов за рамки существенного как помеха и ошибка. Как дикая поросль на ухоженных полянках Духовности.

И тогда мы — лишь пена Канала Культура. Мы вторичны и зависимы как вечные рядовые глобальной мистерии, пожизненно завербованные на войну за «высокое». И страшно подумать, что может быть иначе.

Но единого для всех канала «правильной» культуры нет: каждый выбирает по себе. Реальная культурность — действия вопреки очевидности. Риск и драйв. Все прочее — прокачка шаблонов сквозь сонный разум. Цветные грезы глобальной казармы.

Управляемый вкус есть отсутствие вкуса. Равно как управляемый выбор есть отказ от выбора. Утвержденная и разрешенная доза культурности скучна как метеосводка. Ведь тексты оживают лишь тогда, когда мы начинаем их читать. Каждый — себе, каждый по-своему. Каждый сам себе Канал Культура.

Сложность в том, что вокруг нас постоянно живут разные виды культурного: шансон из маршруток, опера в телевизоре, стэнд-ап треп, покет-бук длиной в перелет Вильнюс – Порто, сетевая аналитика, фрик-шоу «Евровидение», полевые исследования бельгийского пива и философский диспут в варшавской пивной. Норма тут — не подчинение правилам, а их вольный ремикс. Переключение каналов.

Это нормально. Проблемы возникают, когда пестрота сообщений перерастает в их войну. С изоляцией «чуждых нам» агентов, выбраковкой вредных идей и волевой редактурой вражеских стилей.

Каналы Культура перекрикивают друг друга, сплетаются в боевой схватке и умножают тем самым не зону

смысла, а сферу хаоса. Война культур — не балет воинов света и ангелов тьмы, а банальный прорыв канализации.

Тогда прежние «Радио Шамбала» или «Фуко-ТВ» начинают слать в наши души не музыку сфер, а бытовые истерики. Выносят в никуда и гонят мусор. А это означает, что пора менять сантехнику — и искать новые ресурсы культурного.

Часто кажется, что культура — это то, что нам дадут как награду за прилежание. Что вот еще немножко поработаем над собой, подрастем, подтянемся — и будет нам небо в алмазах с бессрочным пропуском в эмпирию.

Но будем честны: Каналы Культуры не дают легкого счастья. Они, напротив, режут банальный быт на части. Как пирог. Как Венецию. И учат не стадным восторгам, а персональной навигации в поле информационных шумов. Жизни без шпаргалок и алиби.

Реальная культура — практики ротации и селекции. Правда в том, что «высокое» — не гарантия качества. А «низкое» — страшилка для недоучек. Свое берешь ровно там, где находишь. Каналы просто гонят контент. А мы его фильтруем. В меру сил, желания и финансовых возможностей.

Культура — не склад шедевров и не пункт хранения вечных эталонов. Она вообще не сумма вещей, а движение смысловых потоков сквозь наше сознание, превращающее энергию мысли и страсти в формулы действия. Культура — это то, что с тобой происходит, когда ты об этом не думаешь. Логика отклонений, тактика неочевидного. Тот градус восприятия реальности, которым мы обязаны Гогену и Уайету, Леннону с Маккартни, Лявону Вольскому и Энди Уорхолу, Билли Холлидей и Франсуа Трюффо, Тому Уэйтсу, Сержу Гейнсбуру, Кейт Бланшетт

и Фрэнсису Бэкону — однажды выхваченным из потока чуши и оставшимся навсегда.

После слов, вопреки правилам. Как рисунок движений, оттенок чувств, особый взгляд. Как музыка отдельной жизни, твой личный плей-лист, опыт сопряжения частной судьбы и глобальных вибраций.

Есть подозрение, что правила культурности — обманка для тех, кто верит в вечные ценности и школьные прописи. Прочие строят свои маршруты и приоритеты сами: где — канал, где — тоннель, где — хайвэй. «Лучший выход — всегда насквозь» (Роберт Фрост).

Подконтрольность Канала Культура — чистая иллюзия. Поскольку результаты встреч волн универсальных мэсиджей с внутренним космосом рядового юзера всегда непредсказуемы. «Кока-кола» разрушает империи, гитарный бой расширяет сознание, язык становится политикой, литература режиссирует сексуальные революции. Через музеи проходят карнавалы шествия и марши футбольных фанатов. Аустсайдеры выходят в поп-звезды, сакральное разменивается на медяки, авангард мутирует в агит-проп (и обратно).

Информационные потоки нелинейны. Это зона шумов, разночтений и сбоев программы. Говори что угодно — все равно я услышу свое.

Смысл культурной работы — превращение закрытых канонов в открытые ландшафты. И потому лучший Канал Культура — не интервенция высших ценностей в наши девственные умы, а неформатный фидбэк: вторжение партизанских практик чтения и письма в строгий порядок привычной «правильности».

Ку-ку, культура!

ЛАСТАЎКІ Ў СТРАСЕ

Танец на костях культурных форм

Стабільнасьць — ілюзія. Бо мы крочым скрозь жыцьцё, пакідаючы за сабой вычарпаная стасункі, спаранелыя пачуцці і заюзаныя ўшчэнт прыярытэты. Нават калі ў краіне нібыта нічога не адбываецца — усё адно штосьці несупынна адбываецца з намі. І з той культурніцкай прасторай, якую мы лічым сваёй.

I

Татальная памылка — ў падставовым разуменьні культуры ды культурнасьці. Культура як сыстэма ўзораў ды канонаў. Культура — парадак сэнсаў ды іерархія імёнаў.

Гэта запрашэньне на могілкі і прапанова знайсці сабе труну адпаведнага памеру. Дзяржадукацыя вырабляе жывых мерцвякоў. І няма сэнсу здзіўляцца, што вакол татальнае зомбі-шоў.

Першая праблема тут — татальная баналізацыя асяродзьзя. Бо зомбі не сталеюць. Яны няздольныя да мысленьня і не адчуваюць смаку парадоксаў. Яны самі ёсьць трэшам — і таму няздольныя сьмяяцца над трэшам.

А яшчэ зомбі не мрояць — і таму ня уяўляюць сабе іншага парадку, акрамя таго, што іх гадаваў.

Фактычна гэта рух наперад у мінулае. Бо ён абвяшчае культурныя формы бяспрэчнымі, а іх парадак — вечным. У такой прасторы няма месца для рызыкі, эксперыменту, крэатыўнай нязгоды. Жыццё ў музэі падаецца натуральным — і таму страшна выйсьці за сьцены роднага бункера. І зразумець, што акрамя бункераў ёсьць гайвэзі ды лоўкосты. А побач з сыстэмай агульных месцаў — парадак асабістых рухаў.

Главный тезис здесь таков: мы сами ранжируем реальность. Мы — авторы своих культурных триумфов. И своих культурных катастроф. Катастрофичность белорусской культуры — наше собственное изобретение. Итог нашего вечного спора с реальностью.

II

Чем занят думатель? Думатель думает. Грезит наяву. Играет в слова. Строит концепты. Конструирует схемы.

Большинство наших траблов как раз и связано с войной словарей. С одной стороны — «ренессанс самобытности». С другой — «забойства культуры». С одной — «духовное возрождение», с другой — «жахі русіфікацыі». С одной — «русский мир», с другой — «беларускае гетта». Что конфликтует с чем? Одни маркеры реальности с другими. Это битва бумажных драконов. А реальная культура живет в паузах речевок. И, как правило, ничего о них не знает.

Чем плох неточный маркер? Тем, что он путает карты. В фэйковом поле госТВ живут картинные пейзажи, ухоженное начальство и вечная победа. Картонный андерграунд населен поющими качками в татушках, хлоп-

цамі-балахоўцамі, Саўкай ды Грышкай і штодзенным забойствам матчынай мовы. Двойное трывожнае шчасце: крик сверху — «мы победили, но нужно быть начеку», крик снизу — «усё роўна мы пераможам, бо іначай быць проста не можа». Две сказкі для мозаічнай страны — обе про какую-то другую Беларусь.

Ясное дело, они не совместимы. Естественно, основные каналы коммуникации и финансовые ресурсы закрыты для низовых инициатив любого профиля. Поэтому у анархо-культур-активистов периодически возникает соблазн договориться с системой. Катастрофой тут оказывается провальная попытка переговоров. Но так картинка видна с нашей стороны. А с другой все совсем иначе.

Какие тут катастрофы, когда никуда не едешь, а просто куришь в окошко, пока сотрудники качают авто? Госкульт просто так устроен. Это его нормальное состояние. Захочет сделать «Грэмми» или «Оскара» — все равно на выходе будет «Базар». И его теневой двойник — травматичное подполье.

Пазначым відавочнае: постсавецкага культурнага выбуху ў Беларусі не адбылося. Спробы паскорыцца апынуліся выказваньнямі эпігонаў. Жаданьнем дагуляць чужую гульню. З большага атрымалася прамаўленьне уздагон.

Чаму? Бо нас вучылі жыць у музэі. А зараз мы зноўку трапілі ў музэй. Трошкі іншы. З Шагалам і Суціным. Каб працягваць тое, чаму вучыліся: засвойваць каноны, трансляваць стандарты. Перашкаджае адукаванасць. Шмат хто з культур-актывістаў нават пасья 20 гадоў незалежнасці жыве пры камунізме — у сваёй фарматнай рэспубліцы мрояў.

III

Нервные умники прописаны в условном мире бла-бла-бла вокруг культуры. Это танцы вокруг знаков, и победа тут — экспансия «верного» символа. Точнее, вытеснение нашим ненашего. За что боремся? За тарашкевицу. За вышиванки. За красно-зеленые бантики. С чем сражаемся? С бел-чырвона-белым. С нячэсными цишотками. С неправильными фотками и не теми блогами.

Война хорошо продается и легко усваивается. Сразу ясно, что, зачем и почему. На восток гоним декоративное православие, бронзовых Пушкиных и славные победы над голландскими панками, на запад — культур-партизанство и інтэлектуальны супраціў.

Есть еще, правда, новинка прошлого сезона — беспартийная культура-3. Зона анархичного хипстерского арт-дизайна. Но на уровне креатива она остается штучками продвинутого меньшинства — лабораторными опытами фестиваля «Adnak!» с минимальным резонансом за его пределами. И возможностью заявить о себе раз в год — с паузой до следующего феста. Это низовая культура ремесленных цехов без шансов стать индустрией.

Напарник культур-креатива — культур-потреблянс. Здесь тоже все не просто. В провластных юзеров верится слабо. После очередной телетрансляции так и тянет называть их исполняющими обязанности публики. Партизанских юзеров узнаешь по тревожному взгляду, рюкзачку с ленточкой верного узора и годовому литовскому шенгену. И первые, и вторые культуру потребляют в режиме групповых ритуалов лояльности.

Но большинство культур-потребителей существует вне идеологических схем и демонстративно беспартийно. Есть, конечно, тут продвинутые евро-эстеты.

Но рядовой беспартийный юзер — существо без принципов и живет инстинктами. Он опционально любит сразу всё: эспрессо допио, Стаса Михайлова, вышивайки, галерею Ё, журнал Rolling Stone, родные березки, Виктора Мартиновича, салют и красно-зеленые флажки.

Спорить с такими смешно. Обучать их нет смысла. Все равно народ сдастся на милость победителя.

Что остается? Отрада мелкого частника. Безотходное производство DIY: «Сам придумал — сам устроил — сам тащусь». Звучит отлично. Для тех, кто не пробовал превратить эти самоделки в бизнес.

Акей, но мы-то умные и злые. Мы воюем. А на войне главное — зачистить площадку и подавить противника. Благо, он под рукой. Любимое занятие в узком кругу — обсмеять «Славянский базар». Ужаснуться выбору на детское «Евровидение». В крайнем случае злобно обсудить позорный фильм «Мы, братья...» Наезд — мое второе имя.

Это перманентный нервный срыв. *Ластаўкі ў стрэсе*. Ежедневные движения в неправильном, враждебном культурном поле порождает странную *культурную зависимость* в стиле стокгольмского синдрома: прочную привязку к родному трэшу. Любимым видом спорта становится домашняя критика культуры. Бытовой нонконформизм.

IV

Мы смотрим свою культур-катастрофу как телесериал. С безопасного расстояния. Страдаем, конечно. Но как обзорный зритель ведем себя тихо, не мешаем автору высказаться. Нет, мы, конечно же, знаем и других авторов — но вот этот говорит уже так давно, что мы привыкли

и воспринимаем его почти как природное явление. Естественный и неизменный фон всех жизненных циклов.

Эффект стабильного дежавю неслучаен: белкульт как матрица элементарно не заточен на свое расширение. Он радостно тиражирует песни мертвых матросов, а любое отклонение от партитуры готов оспорить в суде (вспомним скандал вокруг трибьюта «Песнярам»). Он не знает как быть с неформатом и предпочитает отмалчиваться — поэтому у нас нет и еще долго не будет вменяемой культур-критики. Он использует свою убогость как алиби и ресурс финансирования. Он расписан по ролям, причем уже давно. Поэтому новых стульев на этом чаепитии не предвидится.

В нашем кейсе привычные схемы борьбы уже не работают. Сюжеты языковой и любой другой монолитности в дизайне нации отыграны еще в позапрошлом веке. С контркультурой и диссидентским подпольем разобрались, когда кончился коммунизм. Что осталось?

Иногда кажется, что только игра теней.

Войны культур в стране нет — поскольку нет системных субъектов противостояния. С одной стороны — державный петух с отрезанной головой, чистый генератор белого шума. С другой — разъединенные фабрики мысли, мутирующие в (само)пиар-агентства и кружки по вышиванию.

Кто еще? Ну, разумеется, мы: транзитные интеллектуалы, артисты-фрилансеры, герои легкого поведения и нестабильного финансирования.

Вопрос в том, хватит ли нам — каждому на своем месте и по своему разумению — креативной энергии, чтобы остаться собой. Чтобы попасть не в рядовые великого плана, а в соавторы мозаичного пазла культуры пограничной нации.

Як заставацца жывым пасярод поля мёртвых кано-
наў? Як захаваць сябе ў зоне татальнага чужога бла-бла-
бла? Запытаюся шырэй: як атрымаць прапіску на гля-
бальным сьметніку культур-індустрыі?

Тут ёсьць дзве схемы. Першая — тактыка выдатніка:
засвоіць усё і агучваць паводле патрэбы. Мова сэканд
хэнд. Статус: татальна залежны. У кожнай генерацыі
свой Марціновіч.

Другая — танец на могілках. Як хаўтуры у Новым
Арлеане. Лёгіка развітанняў. Сустрэцца. Засвоіць. Пера-
жыць. І — пакуль! Тады жыцьцё ператвараецца ў транс-
культурны транзіт. А культурныя формы робяцца па-
просту кропкамі на мапе тваёй асабістай прыгоды.
Стымулам крочыць далей.

V

Говорят, что не хватает моральных авторитетов, ти-
танов мысли для недодуманной нации. Мол, капитанов
маловато. Я принципиально не согласен. Жить с огляд-
кой смешно и глупо. Живая культура — всегда поверх
барьеров и поперек прописям. А это значит, что коман-
диры ей не нужны. И радикальное несогласие — ее нату-
ральное состояние.

Культурой движут не «агульная згода» и не стадный
потребительский экстаз, а совсем другие вещи. Неудо-
бные, неуправляемые: личный авантюризм, игра с оче-
видным, смысловые сбои и стилистические конфликты.
Культура — то, что делает нас свободными.

Праблема ў тым, што айчынныя фарматы аўтарска-
га выказвання з большага не мяняюцца. Нібыта новыя
аўтары нібыта новых часоў выказваюцца паводле старых
матрыц. Яны жывуць на могілках. І лічаць, што робяць

мастацтва. Альбо кіно. Альбо літаратуру. Але гэта экс-мастацтва. Экс-кіно. І экс-літаратура.

Што рабіць? Танчыць на могілках. Зразумець, што мы жывем Пасля. Пасля Кіно — і таму варта рабіць посткіно. Пасля Літаратуры — і таму варта шукаць новы слоўнік і гуляцца з структурай тэксту. Пасля арт-канаў — таму варта выказацца насуперак. У шырокім сэнсе гэта жыццё пасьля Музэю. І варта ператварыць яго ў майстроўню.

И хватит про то, что режим не тот и страна не та. Мы сами и есть страна. Мы ее живем, пока другие ее думают. Мы ее делаем, пока бредят телеканалы.

Новае аўтарства пачынаецца з новага аўтара. Пазбаўленага расейскай каланіяльнай залежнасці. І змагарскай траўматычнасці. Здольнага сваю беларускасць адшукаць у Стакгольме і Лісабоне. Абазнананага у новых медыя-тэхніках — і адначасова ў альтэрнатыўнай гісторыі культуры. Шматмоўнага. Мабільнага. Перакладчыка асабістага драйву у энергетыку тэксту.

Наш лучший культурный проект — это мы сами, титаны полетов в безвоздушном пространстве. Реальный белкульт — дикое счастье с неограниченным сроком годности. Надо только употребить его по назначению. И не ошибиться с дозой.

2015